

Первая повесть

Вступление молодого писателя в литературу схоже с выступлением нового оратора на собрании. Один оратор обращается к собранию, потому что не может молчать, потому что видит и знает что-то такое, чего не видят, не знают, не сказали другие, но что очень важно и нужно сообщить для успеха общего дела, за что нужно бороться, что нужно отстаивать всеми силами. Другой выступает только потому, что люди выступают, а он может поговорить о том же самом и ничуть не хуже.

Нужно ли доказывать, насколько важнее, нужнее и интереснее иногда пусть и шероховатое выступление человека, голосом которого говорит сама жизнь, чем хотя бы и гладкая, но вялая речь оратора, идущего по чужим следам.

Нам думается, что первая книга завоевывает право на выход в свет прежде всего той новизной взгляда на действительность, какую приносит свежий человек, идущий из жизни в литературу, и которая, как правило, служит основой для выявления писателем своей оригинальной авторской манеры, своей формы и стиля.

Мы знаем такие первые книги, как «Чапаев» Дм. Фурманова или «Как закалялась сталь» Николая Островского, как «Танкер «Дербент» Ю. Крымова или «Педагогическая поэма» А. Макаренку, которые стали издавать видными веками на пути развития нашей литературы. Ажаев, Полевой, Казакевич, Панова и многие, многие другие любимы советским читателем за то, что открыли ему новые, волнующие и важные стороны действительности и увлекательно, талантливо о них рассказали.

Наши журналы и альманахи за последние годы печатают много первых повестей и романов молодых авторов. Однако редакции далеко не всегда учитывают и требование творческой новизны и требования художественного мастерства.

Владимир Тендряков выступил в альманахе «Год 36-й» со своей первой большой повестью «Среди лесов». Это произведение, очень еще шероховатое, привлекает едва ли не с первых страниц каким-то свежим, своим углом зрения на жизнь.

Мы уже по привычке к благообразным, прилаженным картинам сельской жизни с патефонами и кисейными занавесками в добротных домах, с изящными молодыми

З. КЕДРИНА

девицами в цветастых шелковых платьях на первом плане. А здесь автор смело вводит читателя в захиревший колхоз и показывает председателя-фронтвика Митю Спевкина, первого ухаждера и плясуна по округе, который рад бы, да не знает, как взяться за дело.

Тендряков увидел и, не обинуясь, показал, что «...рядом с колхозами-миллионерами, которые строят электростанции, проводят водопроводы, воздвигают целые животноводческие городки, бок о бок стоят колхозы, где крыши хозяйственных построек рушатся от ветхости, где только особо урожайный год, год-удача могут дать полноценный трудодень, где многие стремятся уехать из колхоза, — кто в город на производство, кто поближе к райцентру, на промкомбинат». Тендряков не побоялся быть последовательным и показал корень зла, заключающийся в плохом руководстве районом, в частности со стороны секретаря райкома Паникратова, который не сумел перестроиться на новый лад и культивирует методы командования, штурмовщины и аврала. Как лучшее воспоминание, хранил Паникратов память о войне, когда прорывы отстающих колхозов покрывались за счет передовых, но все же под его руководством «Кузовский район продолжал помогать стране вдвое, втрое больше, чем он помогал до войны».

Паникратову казалось, что, когда кончится война, «...пойдет легкая жизнь — вернутся с фронта люди, появятся новые тракторы. Люди вернулись, новые тракторы появились, а руководить районом стало сложнее, труднее». И вот Паникратов и его полномоченные мечутся по полям, командуют, пытаются залатать дыры в поставках, попрежнему покрывая недодачу отстающих за счет хорошей работы передовых. В негодной этой системе руководства, ставшей тормозом развития колхозной жизни, Паникратов, инструктор райкома Лещева и им подобные неизбежно вступают в конфликт с передовыми людьми района. Они не только проходят мимо ценной инициативы помощи сильным колхозам слабым, но и зажимают ее, стремясь скомпрометировать и даже исключить из партии упрямого и «дерзкого» председателя передового колхоза Трубецкого. Разоблачая Паникратова и паникратовскую «систему» руководства, Тендряков вместе с тем показывает новое, здоровое движение

взаимопомощи колхозов, пробуждающее новые силы, вовлекающее в сознательное, целеустремленное творчество все большее и большее количество людей.

То, что В. Тендряков, смело вторгаясь в жизнь всем своим (еще во многом не совершенным) произведением, воюет за перестройку колхозной работы, за новый подъем колхозов на высшую ступень, позволило ему притти и к некоторым назревшим вопросам колхозной жизни.

Так, например, председатель колхоза студент-заочник зоотехнического факультета Роднев ставит вопрос о необходимости привлечь агрономов-специалистов к руководству колхозами: «У нас все агрономы в «Заготзерне» и райсельхозотделе сидят, накладные подписывают, издаюла командуют». А вот как показаны методы руководства инструктора райкома Лещевой:

«Роднев ждал, когда Лещева освободится, чтобы поговорить с нею на досуге, не торопясь. Но Лещева прошла по полям, заглянула в амбары, на сушилку и, остановившись около кузницы, помахиывая тощим офицерским планшетом, сделала выговор Спевкину и кузнецу Прутову за неотремонтированные до сих пор телеги. Затем инструктор прочно уселась в легкую плетущку и на прощанье сказала:

— А сдвиг у вас есть...

И уехала в другой колхоз».

Повесть В. Тендрякова оказалась в полном смысле актуальной.

Однако, отмечая явление жизни, он далеко не всегда умест показывает его художественными средствами. Иногда он ограничивается иллюстрациями, иногда недописывает интересно начатые образы.

Рядом с такими живыми и художественно законченными фигурами, как Паникратов, его любимая, трактористка Мария, или председатель колхоза Трубецкий, в повести существуют едва намеченные иллюстрации типа Лещевой или лишь наполовину написанные, а наполовину схематично обозначенные образы, как Спевкин и Степан Груздев. Рядом с трогательными своей жизненной простотой и убедительностью взаимоотношениями Паникратова и Марии, где все — и первая радость любви, и охлаждение, и разрыв — живо и убедительно, существует искусственно усложненная история чувства Роднева к Марии. Рядом с яркими сценами вдохновенного коллективного труда, а также веселья, рядом с реалистически подробно написанными грустными картинами запустения в отстающем колхозе, рядом со свежими, как сама природа, сельскими пейзажами — сухие информационные сценки «делового» характера вроде совещания о свиноферме в правлении Лобовищенского колхоза.

Видно, что редакция альманаха «Год 36-й», правильно оценив дарование автора, не сумела достаточно основательно поработать с ним.

Другой молодой автор опубликовал в №№ 8 и 9 «Октября» свое первое большое произведение «Родники». Казалось бы, немало общего в судьбе этих двух, таких различных повестей. Сергей Крутилин, так же как и Владимир Тендряков, — молодой журналист, и его повесть является результатом продолжительных наблюдений над жизнью колхозов. Но если В. Тендряков стремится показать то новое, острое, тревожное, что он увидел в действительности, то С. Крутилин все время как бы не договаривает чего-то, словно поверяя свое произведение не жизнью, а произведениями других писателей.

Если подойти с полной мерой требовательности к этой повести, обнаруживающей, что у автора есть и литературные способности и знание своего материала, то нужно все же сказать: проявив во многом и наблюдательность и умение показать характерные черты своих героев, автор все же не создал ярких характеров, не показал колхозную деревню по-своему, с какой-то новой стороны. Главный герой повести — председатель колхоза Егор Васильевич Набоков, человек, избалованный успехами и похвалой, выдвинутый на большой пост, но не подготовленный к руководству, самоуспокоившийся, переставший расти и потому сделавшийся помехой для дальнейшего развития колхоза. Конфликт между человеком честным, но отсталым и малограмотным, и молодыми новаторами сельского хозяйства одушевляет первые страницы повествования, которые обещают в дальнейшем напряженную борьбу характеров. Финал, изображающий тяжкое раздумье лишившегося народного доверия и отстраненного от руководства Набокова, — может быть, наиболее сильная страница повести.

Она открывает перед характером героя известную перспективу развития, потерянную было в последовательном сопротивлении Набокова всему разумному, которое автор демонстрирует на протяжении всей повести. Эта потеря перспективы тем более ощутительна, что автор не сумел раскрыть духовную жизнь противостоящих Набокову героев — агронома Вербы и молодого бригадира Нади Трошиной.

Поначалу в образе Нади Трошиной выявлен своеобразный характер «шустренькой» девушки с косичками, о которой, однако, при возникновении принципиального сельскохозяйственного спора, думают: «Надку бы мою сюда, она бы ему живо доказала, петуху старому!». Казалось бы,

перед нами своеобразный положительный образ рядовой колхозницы, могущий служить примером и предметом подражания для людей. Однако читателя постигает разочарование. Героиня оказывается лишеной индивидуальности. Она делает все, что положено: произносит правильные речи с литературными примерами из классиков, она даже волнуется, но как-то уж очень спокойно, а иной раз и по пустякам.

Первое знакомство с Москвой, первое выступление на съезде комсомола в Кремле могло дать возможность для раскрытия интеллектуального мира молодой девушки, но автор этого не сделал. Он последовательно упоминает завтраки и обеды, закладку высотного дома, вид Георгиевского зала, номер в гостинице «Москва», встречу со школьником, осмотр царь-колокола, заседание съезда, танцы, прения по докладу и выступление самой героини. Но все это не оставляет никакого следа в надвигной жизни.

Почему же автору, который знает материал и сумел создать тепло написанные сцены и эпизоды, не удалось живые образы ряда его героев, не удалось убедительно показать сегодняшнюю жизнь колхозной деревни, линию ее развития? Потому, нам кажется, что за отдельным героем в повести «Родники» ощущаются заранее данные, уже не раз встречавшиеся в литературе черты некоего собирательного типа. Вот тип комсомолки. Это проворная, боевая «девушка с косичками», отдаленно напоминающая Авдотью «Вашурку» из «Жатвы». И в романе таких девушек три. Во-первых, Нада Трошиная, «шустренькая такая, с косичками». Во-вторых, Рая Юденкова, «шупленькая девушка, почти подросток», которая «тербила голубенький бант, вплетенный в концы реденьких русых косичек», и, наконец, Ольга Хабарова, некогда «шустрая, предпримчивая на выдумки девчонка», которую ее муж помнил «подростком с пыльными золотистыми косичками». Нада, Рая и Ольга, написанные в равной мере живо, освещенные в равной степени тепло, по сути своих характеров одинаковы, так как составлены из одного и того же набора внутренних и внешних качеств.

Сглаживая острые углы, каких немало еще бывает в жизни, автор словно боится дать своим положительным героям сколько-нибудь сильное чувство. Мало бы Наде Трошиной взволноваться, испугаться, рассердиться. Надо бы героям, ну, хоть поссориться, что ли, но нельзя: ведь это положительные герои! Мало того, автор не дает своим положительным героям вступить в сколько-нибудь серьезный конфликт даже с героями отрицательными и, как только

такой конфликт назревает, торопится его снять. Не успевает Нада Трошиная как следует схватиться с Набоковым из-за насаждения садов, на которые тот не хочет тратить колхозные деньги, как автор торопится показать картину уже состоявшейся закладки сада. Не успевают Нада, Верба, парторг Плотникова и другие положительные персонажи поспорить с Набоковым, не желающим совместно с другими колхозами возводить плотину для электростанции, как вмешивается секретарь райкома и обеспечивает полное согласие Набокова. Не успевают они как следует побороться с Набоковым, как колхозники сами лишают Егора Васильевича доверия и избирают председателем Михаила Вербу.

Лишенные самой возможности проявления большого чувства, стремления, настойчивости, лишённые поэзии преодоления (ибо все само идет им в руки), положительные герои мельчают, становятся бледными, а судьба их — неинтересной. Особенно отчетливо видно это в образе «Яши из райкома», начатом, как и Нада Трошиная, многообещающе живо. Яша — несуразный длинный парень, добродушный весельчак, жадный до жизни, открытый для непрестанного чувства радостного удивления перед тем новым, что она ему ежедневно открывает. Яша — секретарь райкома комсомола, день и ночь пропажающий в районе, пешком, в любую погоду, — в распутицу или в зной, — путешествующий по колхозам. Но ввиду того, что в колхозах все само собой улаживается наилучшим образом, Яше вскоре становится нечего делать, и он бродит по страничкам повести, постоянно восклицая: «Чудеса-а!» «Какой народ! И как быстро растут — просто чудеса!» «Ну и чудеса на земле!»

Гладкость повествования расхолаживает при чтении «Родники». Повесть производит впечатление заглаженной и «заредатированной».

В. Тендрякову при работе над своей повестью для ее отдельного издания нужно улучшать текст, «доводить» отдельные образы и ситуации, но не нужно ломать принципы своего повествования. Перед С. Крутилиным же стоит, как нам кажется, несравненно более трудная задача. Ему придется пересмотреть свое отношение к материалу действительности, откаться от сглаживания ее острых углов и облегчения конфликтов. Лишь этот прямой и нелегкий путь приведет молодого писателя к удаче.